

История религий. Лекция 20

Язычество народов Европы

Духи рек, озер, омутов, водоворотов – они тоже разные и бывают людям вполне враждебными, как водяные. Но, конечно, с духами хаоса и разрушения, как в греческой традиции, ни в какое сравнение не идут.

Вот изображение кельтской священнослужительницы – друидши.

Хотя есть люди, которые говорят, что друидами могли быть только мужчины. Другие говорят, нет, друидками могли быть и женщины. Не знаю.

О друидах очень мало нам известно. Хотя образованные галлы знали латынь, могли писать латинским алфавитом, некоторые из них путешествовали и знали неплохо и греческий, но они принципиально не записывали все то, что касается священных предметов. Вот интересно: принципиально разный взгляд. Иудаизм, о котором мы будем говорить через пару занятий, наоборот

считал: все, что священо, надо обязательно записать. То, что устное, не стоит многого. Это человеческое. Человеческие слова, как треск хвороста, как щебетание птиц, как бляение животных – это ерунда. А божественный глагол надо записать немедленно. И сам процесс письма – writing по-английски, да, вот именно процесс записывания – это уже процесс сакральный и священный. Любопытно, что германцы, кельты и скандинавы считали ровно наоборот: расписку можно написать, можно написать письмо, договор между людьми, поэму тоже. Почему нет? Но то, что касается божества, записывать нельзя принципиально. Совершенно иной взгляд на суть письма в человеческой культуре. Боги обидятся, если ты запишешь. Если ты запишешь, получается, ты пренебрегаешь. То, что ты записал, это уже не тебе принадлежит. Это не твое. Значит, ты доверился, бумаги не было, но, скажем, пергаменту или коре там какой-нибудь, бересте. Ты для чего записал? Чтоб самому не помнить. А ты должен помнить это постоянно. Это же не бересте и не пергаменту говорили духи и боги. Они говорили тебе. Вот ты и помни, и повторяй. В этом есть нечто такое высокопоэтическое. И требования к жрецам увеличиваются: они должны помнить многое, обладать памятью громадной, из уст в уста передавать. Но для потомков это, конечно, ужасно, потому что письменных источников не осталось.

То, что мы знаем о друидах, мы знаем в интерпретации, в изложении. В основном это интерпретации римские, поскольку римляне завоевывали и кельтов, и галлов, и германцев, и воевали с ними. Они старались писать объективно, надо отдать им должное, и Цезарь в «Bellum

Galicum («Галльской войне»)¹, и Тацит², который написал о германцах очень много, и Павсаний³, грек, и Помпоний⁴. Они писали не тенденциозно. По сравнению с нынешними временами, когда о противниках пишут только одно дерьмо и грязь, римляне писали о противниках достаточно уважительно и без преувеличения. Никаких страстей, типа людей с двумя головами или с песьими хвостами, никакого людоедства нет. То есть они писали то, что видели, либо опирались на свидетельства, которым доверяли. Но все равно это интерпретация, даже объективная римская. Проблема, что римляне искренне считали, что у всех народов одна и та же религиозная система. То есть, у галлов или у кельтов, у них есть свой Аполлон, свой Зевс. Но если Аполлон, то тогда Юпитер, да. У них своя Венера, своя Минерва, своя Диана. Они искали в пантеонах богов соответствия и пытались все под эту свою олимпийскую религию, под свое римское представление о мире подогнать. А оно далеко не всегда совпадало. То есть на самом деле боги и богини языческой

¹ **Записки о Галльской войне** (лат. *Commentarii de Bello Gallico*) — сочинение Гая Юлия Цезаря, в восьми книгах которого он в присущей ему точной, сжатой и энергичной манере описал своё завоевание Галлии в 58-50 гг. до н. э.

² **Публий (или Гай) Корнелий Тацит** (лат. *Publius Cornelius Tacitus* или *Gaius Cornelius Tacitus*; середина 50-х — ок. 120 года) — древнеримский историк, один из самых известных писателей античности, автор трёх небольших сочинений («Агрикола», «Германия», «Диалог об ораторах») и двух больших исторических трудов («История» и «Анналы»).

³ **Павсаний** (греч. Παυσανίας, лат. *Pausanias*) — древнегреческий писатель и географ II века, автор своего рода античного путеводителя «Описание Эллады».

⁴ **Помпоний Мела** (лат. *Pomponius Mela*), творивший около 43 года н. э., — самый ранний римский географ.

Европы, кельтский, скажем, пантеон, совершенно не обязательно повторял греческую олимпийскую систему. Не было у них своего Зевса. Да, у них было верховное божество. И это божество тоже, разумеется, бросало громы и молнии. Это общее индоевропейское представление. Индра – бог молний у индийцев. Цернуннос – был такой бог у галлов, Перун – у славян, Зевс – у римлян. Всех их изображали одинаково: это, как правило, зрелый мужчина, не юноша-красавец и не старик, такой зрелый муж, непременно с окладистой бородой, с черными, может быть, чуть-чуть с проседью волосами и с выражением лица, полным достоинства королевского. Молния – его главное оружие. Эта молния – самая, так сказать, несокрушимая часть его арсенала. И он командует всеми остальными богами. Но вот как командует? По-разному. Ведь Перун у славян, он не был князем над остальными божествами. Он был просто главным в людских молитвах, но каждый бог жил сам по себе. Может быть, в какой-то степени это действительно отражает племенной уклад. У каждого племени своя территория, свой князь, свои занятия и, в каком-то смысле, свое божество.

Что мы знаем о друидах? Что они очень серьезно относились к своим священническим обязанностям и они были в основном именно жрецами. У священнослужителей же могут быть разные обязанности: они могут быть учителями, они могут быть судьями третейскими, они могут быть врачевателями, как шаманы, колдунами, предсказателями будущего, заклинателями духов, а могут быть и собственно священнослужителями. Что это значит? Приносить разнообразные жертвы и просить о чем-то духов или богов. Вот друиды, по

преимуществу, *par excellence*, они были как раз жрецы. Они приносили богам жертвы, вступали с ними в диалог и умели этих самых богов как-то умиловать. Надо сказать, что божества европейского язычества, некоторые из них, отличались довольно изрядной кровожадностью. Ведь и в Киеве Перуну на его золотом столбе приносились человеческие жертвы. Это ж правда. И некоторые божества кельтов и германцев, в особенности германцев, человеческих жертв требовали. Причем каждый бог требовал ее в особой форме. Конечно, таких страстей, как у ацтеков, чтоб по тридцать человек каждое утро, а на праздник непременно чтобы несколько тысяч, таких ужасов у них не было. Но боги требовали своего. Но там иной взгляд был на это дело. Некоторые боги требовали жертвы из чистой кровожадности, как ацтекские божества. Их ничего другое, кроме крови и мяса, не могло удовлетворить. Для других это был знак благочестия и почитания со стороны людей, а в третьих, самых сложных случаях, такое жертвоприношение возвращало к идее сотворения мира.

Считалось, что было некое первосущество, и из плоти и крови этого первого существа потом создан мир. У вавилонян, если вы помните, мы говорили с вами о чудовище Тиамат, с которым сражался бог Мардук, и бог Мардук победил эту Тиамат. Причем Тиамат – женщина. А Мардук – мужик. Это подчеркивалось. Женщина есть воплощение хаоса. Тиамат – богиня моря. Море – хаос, женщина его носительница. Мардук – сухопутный парень – ее победил. И как он поступил с ней? Разрубил ее тело (ну, она выглядела отчасти как женщина, отчасти как дракон, химера такая), разрубил ее гигантское тело на много кусков, из ее крови возникло море и океан, из слез,

которые она проливала, реки и озера, а куски ее плоти, вот эти гигантские, – это и есть острова и континенты. Это очень распространенный мотив во многих мифологиях, о том, что был некий первочеловек, громадный, гигантский. Вот из его разрубленного тела возникло все то, что мы видим сейчас как Землю. Заканчивая романтический разговор о жертвах, скажу, что некоторые из богов требовали, чтобы жертву ритуально утопили. Был у кельтов бог Тевтат⁵, который считался прародителем большинства кельтских племен. И для него жертву специально топили в чане с водой, причем вода должна была быть непременно проточной, из озера нельзя было брать или из пруда, непременно из реки. Наполняли чан, бронзовый котел, и человека, как правило, пленника, засовывали туда вниз головой. Его связывали предварительно и опускали вниз головой. Жрец специально и опускал. Причем жрец такой красавец, нарядный. Сохранились рисунки. Кругом стоит веселая праздничная толпа. Такие жертвоприношения были еще во времена римского завоевания, то есть за пару столетий до нашей эры. И они были в полном ходу. Другие боги требовали, чтобы человека повесили на дереве и из него выпустили всю кровь. И только тогда они чувствовали себя в порядке. Некоторые требовали, чтобы сожгли в деревянном коробе, другие, самые противные, требовали, чтобы сажали на кол для них. Все это было. Римляне первые, кто стал бороться против человеческих жертвоприношений, поскольку в самом Риме этот обычай

⁵ **Тевтат** - в кельтской мифологии бог. Этимология его имени восходит к слову «племя» и позволяет считать Тевтата богом племенного коллектива, покровителем военной и мирной деятельности.

очень давно из употребления вышел. Кстати, Цезарь был последний властитель, при котором официальные жертвоприношения, – не убийства, вы понимаете, убийства были всегда, – не казнь, а жертвоприношение [человеческое] как религиозный акт состоялось, когда он был консулом. Когда он стал диктатором, он это отменил. У римлян это тоже была довольно романтическая вещь: человека живьем закапывали, в специальном месте. Это тоже считалось посвящением богам. В этом плане отличалось ли язычество Европы от всех остальных архаических культов? Нет. Человеческие жертвы были. Но по сравнению с ацтеками нам это кажется уже пустяками.

Здесь, конечно, стилизованная картина: такая красавица.

Конечно, такая никому вреда не причинит. Хотя зачем у нее серп на поясе? А серпом, вы же знаете, каких можно достичь высот. Серп и с молотом рифмуется, ну и вообще. Серпом и по уху можно попасть. Зачем ей серп, непонятно.

Друидские священнослужители приносили жертвы необычные, с точки зрения, например, христианского богослужения. Они обожествляли деревья, знали, какому дереву как услужить. Если бы видели друидский гороскоп, он составлен по деревьям. И, по мнению друидов, каждому типу людей соответствует некое дерево. Есть люди-клены, люди-вязы, люди-дубы, люди-березы и так далее. Это, кстати, тоже прекрасно сохранилось в фольклоре. Разве нет? «Как бы мне березе к дубу перебраться»⁶. Разве нет? Березка – это символ чего? Березка, она в русском фольклоре мужик?

Студенты: Нет.

Мацих: А почему? А дуб наоборот. А как вы полагаете, реально дерево, какого оно пола?

Студенты: Оно. Оно бесполое.

Мацих: Вот как! Но березку мы ведь говорим: «романтическая березка», «вот стайка березок, как девушек, выбежала на пригорок», а тут идут дубы выпить пива,— это же все абсолютно языческий взгляд. И смотрите, весь фольклор и вся поэзия у любого народа на этом, собственно, и основывается. Почему-то мы считаем березку женщиной, к тому же даже еще часто и не женщиной, а молодой девой. Рябину, калину. А, скажем, дуб, ясень, бук, – мужики, хотя это абсолютно ни на чем не основано. Вот вам классический языческий пантеон. У всех европейских народов так. Но у французов береза – *bouleau* – она как раз мужского рода. И береза как раз – символ стойкости, береза – символ воина, а вовсе даже не девичьей красоты. Вот такие дела. В этом плане есть

⁶ Неточная строчка из русской народной песни «Тонкая рябина» (переработка стихотворения И. Сурикова «Рябина») – Прим. Ред.

отличия, но уподобление человека дереву – это как раз европейская черта.

А вот это серьезный парень.

Не говорите этого ему.

Студентка: А «здравствуй, дерево» – тоже от этого?

Мацих: «Здравствуй, дерево» – в смысле от большого ума? Кстати, дуб смышленный? Вот если человека назвать дубом, это означает его смышленность и обучаемость?

Студентка: Нет.

Мацих: А почему так?

Студентка: Крепкий. Он не поддается.

Мацих: Дуб не поддается, а вот липа, она мягкая. Липа в смысле подделка, потому что из липы вырезали разные штуки. Вот такие вот дела. Связь с лесом, видите, даже на таком уровне. Уподобление людей деревьям и приписывание деревьям совершенно человеческих свойств.

Это бог Один

Он же в другом произношении Вотан. Бог скандинавов и германцев. Крылатый шлем у него, и крылатый шлем, как вы помните, был и у греков. У Меркурия, – Гермеса греческого, у Меркурия римского – у него тоже крылатые сандалии и крылатый шлем для того, чтобы он побыстрее перемещался, ибо это бог торговцев и воров. А Одину это нужно исключительно для войны. Это бог войны. И война его главное занятие.

Об Одине существует множество саг и поэм, которые складывали скальды – певцы воинских подвигов. Один сражался с многочисленными своими врагами: великанами, змеями, монстрами, чудовищами. И всех их, разумеется, побеждал. Главным его оружием был меч, которым он владел лучше всех живущих. Для викингов, чтивших Одина как своего небесного покровителя, было

Вот так у разбойника Макферсона (из песни понятно, что он был разбойник), у него есть свое понятие о чести, и он мечтает умереть с мечом в руках, а должен умереть как злодей и вор на виселице.

Верховный бог, конечно, бог войны. И сын его Тор – он тоже воин. Но у него уже немножко иные орудия.

О, это Тор.

Он тоже парень хоть куда, но в руках у него молот. Этот молот он использует и как боевое орудие, и как вот реальные молоты были. Хотя в битвах молот, конечно, не самое эффективное орудие, чего тут говорить. Топор, скажем, или меч, конечно, значительно эффективнее. Но были люди, которые и молотом владели. Молот означает переосмысление взгляда на богов, то есть бог не только воин уже теперь, в этом поколении, а он еще и кузнец. Он выковывает новое оружие, и благодаря этому, как всякий сын, превосходит своего отца.

Обработка металлов, и особенно самого смертоносного из них – железа – исключительная для европейской цивилизации черта. Ни индийцы, заметьте, ни китайцы, что уж говорить про цивилизации Африки или Америки, железа обрабатывать не научились. Народы Европы научились его плавить и делать железный меч, железное копье, железный плуг очень, очень давно. И благодаря этому народы Европы – еще и благодаря этому – оставили далеко позади все остальные народы. Европейские армии были непобедимы среди прочего еще и потому, что они были вооружены железными мечами. Железный меч перерубал бронзовый, не говоря о медном, просто пополам. Поэтому столкновение боевое длилось ровно полторы минуты – до первого большого удара. Европейские народы освоили железо, хотя шанса у них на это не было особого. В Индии, в Китае залежи металлов ну ничуть не меньше. Но научились плавить именно европейцы. Кузнецы как особая профессиональная каста заняли сразу очень высокое место в иерархии всех европейских народов. Кузнецы отдельно жили. К кузнецам относились как к колдунам, чуть ли не как к богам. Фамилии, связанные со словом «кузнец», самые распространенные почти во всех европейских языках. В русском языке Кузнецовых гораздо больше, чем Ивановых. А Кузнецовых и Ковалевых больше раза в два. Исключительное уважение оказывалось кузнецу, ибо, во-первых, кузнец творил новое из старого, а это под силу только богам. Он брал два камня: рыжий камень – железную руду и черный камень – уголь и умел как-то их сплавлять, и получалось нечто совершенно небывалое. Совершенно небывалое. В древности металлургия, она ведь была гораздо примитивней нынешней, главным

образом потому, что невозможно было развести огонь очень высокой температуры. То есть ни материалов таких огнеупорных не было, и потом, если печь... допустим, можно было высыпать туда прорву этого самого угля, но тогда жар был такой, что никто бы к этой печи не подошел бы. То есть это была сложная инженерная задача. Свои боевые качества меч, копье, кинжал, кольчуга, наконечник плуга приобретали на наковальне. И ковка тогда была сродни и производству стали из чугуна, и собственно ковке, как сейчас, и даже сварке. Мастера... Знаменитый франкский меч, за который арабы отдавали пятнадцать чистокровных лошадей во время крестовых походов. Они не умели таких делать. Франкский меч – реально очень мощное оружие, вершина тогдашней металлургии. Он состоял из накованных друг на друга, то есть реально сваренных сваркой такой кузнечной, – из пятнадцати полос. Поэтому он так дорого стоил. Японцы это умели делать. Меч бешено дорого стоил. И на каждом мече, и европейском, и японском, выбивалось имя его мастера. Имена этих мастеров знали все. И какое количество легенд о мечах и в Японии, и в Европе! Потому что те, кто умеет так делать, они это очень ценят.

Студентка: Но Европа раньше Японии это делала, да?

Мацих: Независимо друг от друга. Да, Европа раньше Японии, но независимо друг от друга. То есть Европа ничего не знала про Японию, а Япония понятия не имела про Европу, но с железом умели обращаться и те, и другие. Вот обратите внимание на эту черту – культ меча. Ни у одного другого народа он не сложился. Не вообще оружия, а именно меча. Вот с помощью молота куется некое новое качество. И меч, который и у римлян был хорош и славен, а у европейских рыцарей стал просто

священным предметом. Как говорил один из средневековых монахов: «Стыдитесь, вы! – говорил он рыцарям. – Для вас меч важнее креста». А ведь оно так и было. Рыцари дорожили мечом больше, чем собственной жизнью. И самураи говорили: «Меч – душа самурая». То есть это уже было больше, чем оружие. Это было нечто из другого мира – из мира богов. И посредниками между людьми и богами выступали как раз кузнецы, поэтому в европейской символике молот – это не просто молоток. Молот – вещь исключительно значимая. Удар молота прекращает разговор: молоток аукционщика, молоток судьбы. Молот – это нечто окончательное и завершающее.

Студент: А знаки серп и молот?

Мацих: Знаки серп и молот. Молот – победа над пространством, а серп – над временем. А почему это так, вы узнаете потом в свое время.

Случка рабочих и крестьян... Или как? Смывка? Стачка? Все время путаю... Что там было с этими рабочими? Кучка? Подождите, вы путаете меня. Стучка – это латышский революционер. Стачка – это то, чем занимаются все российские трудящиеся. Сучка – это собирательное название всех соседей. Теперь. А там что было?

Студентка: Ну, случка, скорее всего.

Мацих: Случка. Рабочих и крестьян. Да. То есть их грубо...

Это первичный элемент. Так как всякая масонская эмблема, а серп и молот – эмблема масонская, она имеет два пласта: первое – рабочие и крестьяне, то, что мы с вами с детства знаем, городское и сельское население, а глубинный пласт – он, конечно, совершенно иной. Это победа над пространством и над временем. Каким образом серп победил время? Я не знаю, надо ли вам

говорить. Я боюсь вас огорчить. А вот как молот победил пространство – это легко. Молот побеждает пространство тем, что он его преобразует. Молот – главная преобразующая сила. Это главный инструмент для создания нового из прежде бывшего. Только кузнец может так сделать. Потому что глина ведь была, гончар просто форму придал. Дерево росло. Ну да, лесоруб срубил, а плотник обтесал. Но в принципе, это то же дерево, оно же не стало иным. Ну, легко узнать стол вот в том ясене, который у порога там шумел. А железа не было. Не было меча. Кузнец создал его. В этом смысле его работа – это работа демиурга. Работа создателя на уровне божественности. Молот преобразует пространство вокруг. И благодаря молоту человек приобретает власть над пространством.

Студентка: А с серпом-то что?

Мацих: А с серпом нормально.

Студентка: А что?

Мацих: Если попасть им по молоту, получается изумительно.

Студентка: Почему вы говорите, что мы расстроимся?

Мацих: Вы расстроитесь почему? Во многих мудрости потому что много печали.

Студентка: То есть это сакральные знания? Про серп?

Мацих. Да. Ну, не знаю. Посмотрим. Я спрошу у Юли и Лены, если они обе разрешат, согласованно, тогда я расскажу, если нет, – извините. Нет, но должно же быть что-нибудь святое? Но пока – нет, между ними нет согласия. Леночкино выражение лица не сулит серпу ничего хорошего.

«Хороша была Маруся? Краше не было в селе».⁸ Дева, которая древо. В воззрениях европейских народов вещь исключительная и потому, что я вам сказал, – древесна уподобляли людям, и из-за мирового древа, помните, которое пронизывает собой все мироздание. Мы говорили об этом довольно давно, когда о шаманизме беседовали, но, надеюсь, вы не забыли. Вот эта дева, она – душа дерева. Вот интересным образом, настолько лесные народы любили деревья, среди которых живут, что полагали, что у деревьев есть своя душа. В некоторых случаях плющ считался, например, душой бука или граба, вокруг которых он обвивался; омела считалась душой дуба; дикий виноград, скажем, душой каких-то других мощных растений. И душа эта могла выходить из тела. Кто

⁸ Искаженная строчка стихотворения Сергея Есенина «Хороша была Танюша, краше не было в селе» - Прим. Ред.

видел такую прекрасную деву, тому открывалась тайная часть природы. Но было и некое древо другое, которого никто из людей, конечно, видеть не мог. У германцев это был ясень, который назывался длинным словом Иггдрасиль⁹. По-честному оно пишется с двумя г и с двумя «Д». Как это можно произнести? Иг-гд-драсиль. И этот ясень был огромных размеров, циклопических. Он уходил листвой за облака, люди видели его ствол, а корень его шел в нижний мир, который назывался по-германски Хель. Сравните, как по-английски «ад» [hell]. Это та самая область. И в ней не было ничего адского, в смысле там никто никого не карал, не мучил, это был просто подземный темный мир. Но у ясеня этого была с самого начала несчастливая судьба.

Вот тут очень интересный взгляд европейских народов, особенно германцев и кельтов, на мироздание. В самой структуре мироздания заложена идея конца света. Причем конец придет обязательно. Не вечный круговорот, как у индийцев, а идея того, что то, что началось, непременно закончится. Причем конец должен быть трагическим. Что-то есть в мировоззрении всех европейских людей трагическое. Может быть, от иного ощущения смерти или по другим каким-то причинам, сложно мне сказать. Но ни в одной другой теологической системе не уделяется концу света, – не просто индивидуальной смерти каждого человека, а именно концу света – эсхатологии (от греческого эсхатос – конец), концу всего видимого мира, не уделяется такого огромного значения. В исландских

⁹ В скандинавских языках слово «Иггдрасиль» пишется с одной буквой д: **Иггдрасиль** (также *Игдразил*, швед. *Yggdrasills, Yggdrasil*)

сагах, которые записал в 12 веке такой Снорри Стурлусон¹⁰ – великий исландский поэт и мифолог. «Круг земной» он это назвал. По его мнению, мир обязательно придет к своему концу. И вот легенда германского ясеня Иггдрасиля четко показывает, как это будет. Момент, когда ясень дорос корнями до конца Хеля, ада, до самого основания, а кроной пронзил облака, – в этот самый момент начались у ясеня неприятности. Некий олень, мифический, объедает его кору и листья, некий червь внедрился в его ствол и точит его изнутри и, наконец, дракон, Йохван, по-моему, называется¹¹, который ест его корни. Но ясень громадный, и он как бы обладает некой инерцией. Они не сразу, все эти олень, червяк и дракон, сумеют его победить. Но это вопрос времени, то есть все живое обречено. Глубокая печаль и ощущение трагизма бытия лежит в основе европейского мировоззрения. Даже на уровне самого простого язычества. То есть не просто я умру, а весь мир рухнет. Вот такого нет ни в Индии, ни в Китае. Я говорю сейчас о развитых системах. Оставим пока Африку. Такое ощущение того, что непременно всему придет конец. Все

¹⁰ **Снóрри Стóрлусон** (исл. Snorri Sturluson; 1178, Хвамм — 23 сентября 1241, Рейкьяхольт) — исландский скальд, прозаик, историограф и политик. Снорри больше всего известен как автор Младшей Эдды, состоящей из «Видения Гюльви» (Gylfaginning), где излагаются сюжеты скандинавской мифологии, «Языка поэзии» (Skáldskaparmál) и «Перечня размеров» (Háttatal). общепринято, что Снорри является автором «Круга земного» (Heimskringla), хотя некоторые ученые это мнение оспаривают. «Круг Земной» — это обширный свод саг, посвященных норвежским конунгам от легендарных времен вплоть до 1177 года. Снорри также приписывают авторство саги об Эгиле и Отдельной саги об Олаве Святом.

¹¹ Мировой змей, обвинившийся вокруг корней Иггдрасиля и поддтачивающий их, в скандинавской мифологии называется Йормундганд.

мироздание смертно, и нет надежды на возрождение. Это очень противоположно восточным религиям, если восточными считать и Египет, и Вавилон, и Иудею. Там, наоборот, всячески стремились смерть преодолеть: переселение душ, метапсихоз есть, колесо сансары, «нет, весь я не умру! Душа в заветной лире мой прах переживет и тленья убежит». А эти говорили: «Ты-то, может, ты и переродишься в кого-нибудь, ну там, кто в кабана, кто в зайца, кто в змею, но это не имеет никакого значения, потому что рано или поздно все мироздание, все, накроется». Вот это вот любопытная вещь кельтского, германского и скандинавского мировоззрения. Конец света неизбежен. И всему тогда придет конец.

На самом деле у лучших европейских писателей эта глубоко языческая идея обязательно присутствует в творчестве. Это делает их такими неотразимо прекрасными. Несмотря на все стенания христианства о том, что «смертию смерть поправ» и возродился, и воскрес – и это все и признавалось вроде и вполне искренне. Но как в глубине души живет вера в приметы, как стук яйцами гораздо важнее, чем вся пасхальная высочайшая теология, такое преодоление смерти, так и здесь: что бы ни говорило христианство, создавшее громадную цивилизацию в Европе, но в глубине души у европейского человека, и особенно у мыслящей его части, всегда живо это глубоко языческое ощущение, очень древнее – все равно всему придет конец. То есть это неизбежно. Вот это *memento mori* – помни о смерти, всегда, в самый сладкий и замечательный момент. «О чем ты думал в то мгновенье,

когда не думает никто?»¹². Да? И желание заглянуть за край и на самом деле глубокое неверие в то, что бессмертие достижимо. Европейское мировоззрение очень трагично по сути своей. И хотя «трагедия», вы правильно говорите, – это «песнь козлов», но ведь козлы это же не обязательно козлы в нашем нынешнем российском блатном понимании. Козлы – это просто животные. А почему козлы поют во время трагедии? Они понимают, что их принесут в жертву: «Точат ножи булатные, хотят меня зарезати». Это ощущение неизбежности трагического исхода. Вот трагедия как жанр, в чистом своем виде, могла родиться только в Европе. Причем у трагедии в греческом варианте, у нее же есть четкие жанровые ограничения, сейчас они не очень соблюдаются. Греческое изобретение, театр, стало бешено популярно. И именно в Европе. В Индии никакого такого театра нет. Японцы, которые все культуры принимают, – уникальное явление японская цивилизация, – они приняли и европейский театр. Но, скажем, Китай к этому абсолютно равнодушен при всей громадности тамошней культуры. И исламский восток к театру абсолютно равнодушен. Никогда никаких попыток не было что-то такое похожее сделать. При всем колоссальном богатстве исламской, особенно арабской литературы. Казалось бы, один шаг от литературы до театра, но никогда этот шаг даже попытки не было сделать. А вот здесь все народы Европы приняли театр, как свое. Назовите мне страну, где театра нет. Казалось бы, что может быть дальше вообще от

¹² Слова, сказанные Мефистофелем Фаусту: «Что думал ты в такое время, когда не думает никто?» // Пушкин А. С. Сцена из «Фауста»

цивилизации, чем Россия? И какой театр! И не Москва ли – городок, недалеко от которого мы живем, – это театральная Мекка? А это ж, казалось бы, так далеко от всего. Вот ведь какая интересная штукавина. А театр без трагедии что такое? Это одни сплошные хаханьки. Именно трагическое ощущение дает театру его многомерность и наполнение. Разве не так? Так вот, трагедийное представление – это, конечно, глубоко греческое, глубоко европейское изобретение.

Студентка: Почему европейцам было свойственно трагическое мировоззрение?

Мацих: Не знаю, Олечка. Вот так вот они понимали трагичность бытия. Например, любовь – это хорошо или нет? С европейской точки зрения, европейская культура и цивилизация понимают, что любовь – это болезнь. Нормальное состояние человека – это невлюбленность. Это норма. Если человек влюбился – он заболел. Европейская цивилизация как таковая: «все великие любовники – все больные». Именно больны любовью. Оставьте сейчас все эти пошлые коннотации¹³, мы говорим о трагических вещах. Любовь – это болезнь: Тристан и Изольда болеют и не могут выздороветь и очень тяготятся этой болезнью. Любовь непременно кончается трагически, потому что по-настоящему трагедией должно закончиться все. Все, по-настоящему достойное, должно иметь трагический финал. В хороший конец, например, в бессмертие, европейская цивилизация не верит.

Студентка: Для полноты ощущений, может быть.

¹³ **Коннотация** - (позднелат. connotatio, от лат. con - вместе и noto - отмечаю, обозначаю) - логико-философский термин, выражающий отношение между смыслом (коннотат) и именем или комплексом имен.

Мацих: Можно, Олечка, сказать, что для полноты ощущений такая вот общемировоззренческая черта. Вы европейская девушка?

Студентка: Не познав свою трагедию, не почувствуешь себя счастливым, а индийская цивилизация наиболее ограниченная эмоционально, как я понимаю.

Мацих: Не знаю. Не готов сказать. Я знаю, что ничего похожего на трагическое ощущение в театре (не в жизни, в жизни все знают, что такое трагедия), а вот театральные переживания, похожие на трагедию, ни у индийцев, ни у китайцев, ни у арабов, персов – у великих народов – не сложилось. А трагические переживания эти они меняют человека изнутри, и получается очищение, пресловутый катарсис. Великий актер сказал как-то: «Много получал я комплиментов, но один раз пришел ко мне (а он был депутат. Ну, это было в советские времена. Такая была общественная нагрузка) пришел ко мне на прием человек как к депутату и сказал: «Вы знаете, вам надо осторожнее быть с вашими театральными делами. Я посмотрел спектакль (актер это был Москвин знаменитый) «Царь Федор Иоаннович» и после этого чуть не попал под машину». Тогда в Москве машин было, ну, как вертолетов сейчас. Вы под вертолет могли бы попасть? Надо сильно постараться. И вот он настолько был вне себя, что он не видел вообще куда идет и чуть не попал под машину. И Москвин говорит: «Вот тогда я понял, что я не зря все терплю, и моя проклятая актерская доля – это лучшее из того, что я могу». Расплакался, обнял его и сказал: «Хорошо, я буду осторожнее, – ну и дальше говорит, – я понял, как надо ответственно относиться!», – и дальше вся эта риторика трехкопеечная. Вот обычный зритель, я не знаю, сколько он до этого был в театре, – он посмотрел,

его потрясла пьеса, вся надуманная, и говорят стихами, сюжет из средневековой жизни. Что ему этот царь Федор Иоаннович, который спрашивает устами Москвина: «Я царь или не царь?», но его как проняло! Вот этот катарсис – очищение – это чисто европейская вещь. Катарсис, он выковывается молотом этого самого Тора. Это об этом писал Пушкин: «Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат»¹⁴. Душа должна тоже создаваться, вот буквально, как меч на наковальне.

Такие любопытные черты в язычестве. Язычество – это ведь необязательно что-нибудь дурное, плохое, архаичное. Они были не глупее нас, эти люди. Они не знали сложных технологических вещей, но для своего времени очень много любопытного изобрели. Мы же с вами путешествуем в пространстве и времени, мы видим народы, которые не придумали ни колеса, ни водяной или ветряной мельницы, ни упряжи, ни животных не domesticiровали. А в Европе все это сделали бесконечно давно. Нам есть чем гордиться. Но ощущение трагедии – это то, с чем любой европейский человек живет. Ну, разумеется, кроме тех счастливых, которые работают в Ситибанке. Этим ведомо только стремление вперед. Но остальным, да, остальным свойственна некоторая трагическая черта в мировоззрении.

Студентка: А можно спросить вас, герои Толкиена¹⁵, вот эти все товарищи, они тоже оттуда?

¹⁴ Цитата из поэмы А. С. Пушкина «Полтава» (Песнь 1)

¹⁵ Джон Рональд Рувэл Толкин 3 января 1892 года – 2 сентября 1973 года – английский писатель, лингвист и филолог. Наиболее известен как автор повести «Хоббит, или Туда и обратно», трилогии «Властелин колец» и их предыстории – романа «Сильмариллион».

Европейское язычество?

Мацих: Это переосмысленное европейское язычество, основано на хорошем знании кельтского и германского фольклора. Но там много выдуманного. Например, гоблины описаны, но не так, как у Толкиена.

Студентка: Сейчас ведь очень много литературы об этом и каком-то более древнем язычества, и всякие игры есть, связанные с этой тематикой. Она дальше развивается, развивается.

Мацих: Развивается не тематика. Развивается коммерческий проект по выкачиванию бабок из лохов. Это я говорю высоким штилем. Или, говоря, как у нас в деревне, люди напали на хорошую жилу, раскрутили ее как бренд и, поскольку лохи покупают и лояльны к бренду, то они это делают круто. Это не имеет никакого отношения ни к фольклору, ни к язычеству, ни к реальным персонажам, которые в кельтских сказаниях были описаны. Это все плоды его фантазии, вот так раскрутил. Ну, это не так плохо. Это лучше, чем про Павлика Морозова.

Студентка: А гномики были?

Мацих: Ну конечно! Гомики, вы имеете в виду? А, гномики! Да, конечно. И тролли были, разумеется. Вот возле моего дома жила целая семья. Выводок, да. Потом они куда-то делись. С тех пор, как начали активно разводить козлов, гномики ушли. Других красной ртутью повывели. Но есть, есть, конечно. Гномиков полно везде. Надо только осмотреться. Вы разве не встречали гномиков? Я, безусловно, верю! Моя главная черта – это доверчивость. Каждый, кто меня знает... Вы, главное, не забывайте, помните, я вам говорил: у нас самый сильный

приворот. И на бабки, и присуху – все сделаем. Конкуренты врут, а у нас-то по-честному.

Вперед.

Это славянский фольклор. Ну, мы с вами так бегом пробежались по кельтам, по германцам и по скандинавам, а это славяне. Они не лучше остальных, но нам ближе. Мы же живем в славянском регионе. Вы узнаете этих красавиц?

Студентки: На кораблях есть такие. Сирены.

Матих: Такие были на кораблях? Вы имеет в виду корабельный нос, который ростра, который изображается в виде дамы с обнаженным торсом, да? Нет, таких там не было. Как зовут этих красавиц, а?

Птица Сирин и сирена, конечно, из одного корня. Эти полуптицы-полуженщины – персонажи, которые во всем европейском фольклоре есть, и, конечно, они ничего хорошего не сулят. Значит, сладкоголосые птицы, конечно,

созданы для того, чтобы лохов, то есть мужчин, сбивать с истинного пути, завлекать и потом губить. Ну, а для чего же еще женщины и живут, по мнению мужчин, как не для того, чтобы этих несчастных мужчин губить. Есть целый пласт мужчин, которые считают, что у женщин нет никаких других назначений в жизни, и все их мысли только исключительно направлены, как погубить мужика. Я в этом смысле всегда советую посмотреться в зеркало и сказать, кого губить? Как же ты думаешь о женщинах, если они такое вот ничтожество, как ты, захотели погубить.

Студентка: Скажите, пожалуйста, птица Сирин – она птица, а не русалка?

Мацих: Она не русалка. Русалка живет в воде. Это все птицы, а сирены – морские девки. Эти живут на ветвях. Заметьте, у Александра Сергеевича как сказано: «Русалка на ветвях сидит», но на самом деле не совсем верно. Русалка, она должна плавать. И как бы это она с таким хвостом забралась бы на дерево? На ветвях русалки не сидят. А лешие реально бродят. На ветвях сидят вот эти вот птицы: Сирин, Алконост, Гамаюн. И каждая птица похожа на какую-то женщину, и каждая изумительно поет. Ну, ничего не нравится так мужчине, как поющая женщина. Если женщина хочет реально завоевать мужское сердце и погубить это несчастное двуногое, она должна хорошо петь. Не важно, хорошо ли, ему должно нравиться. Если она поет, он сделает для нее все, что она захочет. Да, голос – это исключительно важная вещь. Для мужчины важно говорить какие-то слова, не обязательно осмысленные, просто должен быть речевой поток. А для женщины можно просто петь вокализ (мужики еще примитивнее). И они на это вполне западают. Поэтому поющая женщина – это всегда погубительница. Но для славянских народов тут

были четкие различия: какая-то птица губила, какая-то птица предсказывала, какая-то птица предвещала. И, например, птица Гамаюн никогда не говорила хорошего. Птица Гамаюн говорила только о дурном. Такая была ее задача. То есть, если Гамаюн открывала рот, то говорила она только о плохом.

Вот Гамаюн.

В. М. Васнецов Гамаюн птица вещая.

Ну, по выражению лица понятно, что ничего хорошего она не скажет. Лучшее из того, что она может сказать, что рынок сейчас рухнет.

Но у Блока есть стихотворение о Гамаюне¹⁶: вещает власть злых татар, и кровь, и пожары, то есть Гамаюн –

¹⁶ Имеется в виду стихотворение А. Блока «Гамаюн, птица вещая»:

всегда вестник несчастья. Такая вот Кассандра летучая. Если Гамаюна услышал человек, он понимает, что несчастье обязательно случится. Причем если Гамаюн поет, отвлечь несчастье уже нельзя. Это персонажи русского языческого фольклора, которые на буме интереса к фольклору в конце девятнадцатого века [стали популярны]. Тогда было общее европейское увлечение своими корнями, связанное, конечно, с политическим национализмом. Когда распалась христианская Европа, каждый народ стал искать своих корней: мы – французы, мы – немцы, мы – поляки, мы – русские. Тогда обратились к дохристианским фольклорным источникам. И, разумеется, в России нашли множество богатых пластов фольклорных. Вот оттуда все эти птицы. Почти все, что вы здесь видите, создано или самим Васнецовым, или художниками его школы. Никто же ведь точно не видел, как выглядит Гамаюн или Алконост, но вот он их так изобразил. Практически это русалка, только у нее с этих пор начинается хвост, а здесь тоже хвост, но такой красивый птичий. А принципиально это одно и то же

На глядах бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поет,
Не в силах крыл поднять смятенных...
Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...
Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!..

существо. Та же идея оборотничества, только среда обитания другая: у русалки – водная, а у этих птиц – лесная. Но поют все очень хорошо. Лучше всех поет Алконост. Это греческое название, конечно. Как и Гамаюн, как и сирена – все пришло из Греции.

Студентка: А о чем она поет?

Матих: О любви народа к Родине, конечно. Об антикризисных мерах, о покорении целины.

Они поют о вещах возвышенных, предсказывают будущее, вещуют. Это же вещие птицы. Они говорят, успешным ли будет поход на супостата, вернется ли войско, удастся ли отбить набег вражеский. Вот в славянском фольклоре, среди леших, кикимор и прочих, есть и такие персонажи.

Теперь проведем разграничительную черту. Конечно, лешие, водяные, кикиморы – это творения народного славянского гения, это ясно. А эти птицы, конечно, существа книжные. Они пришли, разумеется, с христианством. Но как раз пришла та часть христианского греческого наследия, с которым христианство боролось, но между тем они тоже закрепились. Это ведь греческое язычество, то есть тоже дохристианская часть, но закрепились и стала частью язычества славянского, российского. Вот такой неожиданный пласт есть у язычества, скажем, наряду с лешим и всякими прочими козлоногими милыми существами.

Сейчас мы посмотрим на некоторых этих красавцев.

Виктор Васнецов. "Сирин и Алконост. Птицы радости и печали"

Вот эти птицы. Видите, как они заливаются. Боже мой, как красиво. Да?

Студентка: Это тоже Васнецов?

Матих: Да. Или это Врубель, но кто-то из этих людей. Они в основном по этому поводу и изощрялись. Это бог Перун.

В руках у него молния. Довольно точное, хотя и стилизованное, конечно, изображение.

Славяне до знакомства с греками не умели хорошо рисовать. Не умели. Этому всему научили их греки. И именно монахи. То есть пластические искусства на славянской Руси были развиты в самом первом, зачаточном варианте. Но по описаниям, по какой-то грубой каменной скульптуре, по деревянным вырезкам реконструировали, как мог выглядеть Перун. Перуна представляли себе вот так. Ну, тут и молния, и огонь. Так, думаю, выглядел и галльский Цернуннос. В принципе и Зевс с Юпитером точно так же выглядели: мужчина-воитель с молнией в руках, готовый поразить всех своих врагов.

Перуну были посвящены в разных русских городах святилища. Центр был, естественно, в Киеве. На том месте, где сейчас стоит Софийский собор, стоял золоченый столб Перуна. Этот столб, у которого, по преданию, князь Владимир, который был добрый язычник, приносил Перуну жертвы, как и положено, потом решил креститься. И кстати, какое имя он взял при крещении? Я некоторым из вас говорил. Василий. Князь Владимир, – Владимир тогда было имя языческое, – в крещении стал Василием. И в качестве Василия он этого Перуна срубил и бросил в Днепр. И с этого момента (988 год) Русь стала официально христианской православной, и Перуну больше не поклонялись. Хотя, как показывают летописи, сохранялись и в городах, а особенно в деревнях, по хуторам, по лесам святилища Перуна сохранялись еще лет сто. Были живы жрецы, они жертвы приносили, но потом, конечно, христианство все это победило. Такие-то дела. Так что насчет религии предков и насчет святой Руси, о том, что

христианство и православие греческое, – это есть исключительно единственный для России выбор, всегда помните, что на самом деле настоящая религия славян была вот такая. И бог Перун возглавлял пантеон. Сейчас есть такое течение – неоязычество, или младоязычество, «родноверы» они себя называют еще иной раз. Но они не очень привлекательно выглядят, надо сказать, а идея их такая: нужно отменить все привнесенное, христианство это греческое, жидовское, а вернуться к своим родным славянским корням. Вот они гонятся за «Велесовой книгой» так называемой. Но, я думаю, что тут больше выдуманного, чем реального. И книг, наверное, никаких не было, потому что письменности у славян до христианизации не было точно, это однозначно. Это однозначно. Те, кто писали, писали или по-славянски, или по-гречески, так что какая там могла быть книга, какие там страшные такие придуманы чудеса, какая такая мудрость? Это обычная языческая система, которая была у всех без исключения народов и похожа на другие языческие системы Европы.

Это солнечный бог Ярило.

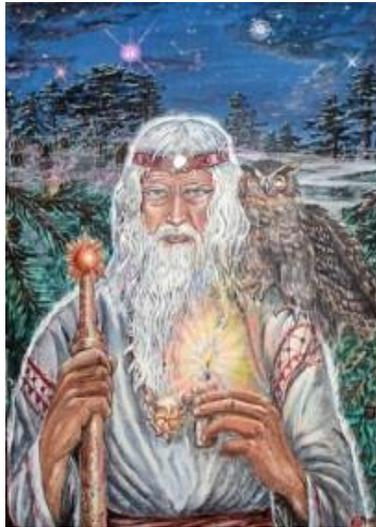

Любопытный такой бог. Солнечный, в нашем понимании, должен быть главный, но это не так. У европейских язычников главный бог тот, кто заправляет громом и молнией. Солнечный бог – бог солнца умирающего и воскресающего. Ярило, он умирает на зиму, как природа, и возрождается в солнцестояние. Яриле посвящали все круглое: с холмов пускали вниз колеса, пекли блины (блин – образ солнца, и в расплавленное масло этот блин окунали). Пресловутая Масленица есть не что иное, как праздник бога Ярилы. Что такое Ярило? Ярое солнце. Да, солнце в ярости своей. Хотя тут, в средней полосе, солнце не бывает уж таким ярким как на юге, где-нибудь в Палестине или в Египте. Здесь Ярило это не столько бог яростного солнца, все сжигающего, испепеляющего огня, а Ярило – это бог, который ярит, разъяряет, возбуждает все живое. Это бог с сильнейшим сексуальным посылом. «Ярить» – у Даля и в русских говорах, это именно возбуждать. Ярость – это сексуальное

возбуждение, а не просто, так сказать, гнев. «Пусть ярость благородная»... это именно совершенно специфическое такое состояние и животных, и человека. То есть Ярило – это бог весеннего возрождения, которому возбуждение сексуальное, стремление природы к продолжению рода очень, очень свойственно. Ярило посылает солнечные лучи на землю, и вся земля оживает. А жизнь без совоупления, без встречи полов, без желания и возбуждения невозможна.

Это бог Велес.

Но рисунок из современных. Велес житель лесов, но это не леший, а такой добрый покровитель людей. Велес – покровитель стад, скота. Сову ему здесь пририсовали для того, чтобы придать ему мудрости. Ну и вид у него не грозный, а скорее ученый. Такой отшельник, знахарь, умница. Реальный Велес был обычное божество, которому

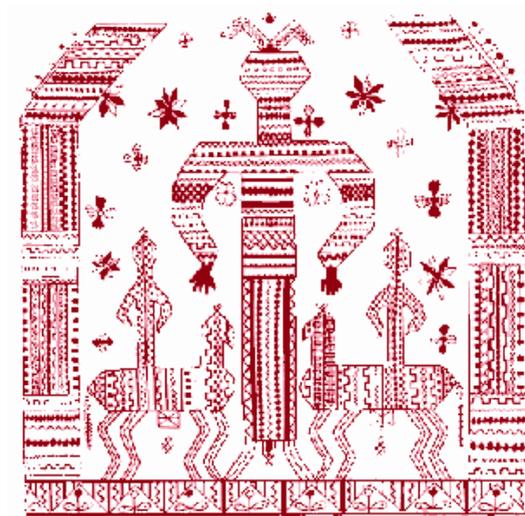
молились пастухи для приплода. Но поскольку потом Велес стал мыслиться как бог, которому все секреты ведомы, его стали изображать вот в таком виде, похожим на апостола. И он и со свечой – символ знания, и посох колдовской, и сова – птица мудрости у него на плече. Это, конечно, христианские абсолютно ассоциации, потому что сова-мудрость – атрибут апостола Павла, мудрейшего из философов. Свеча как символ света – это тоже все библейское, это оттуда. А реальный Велес никакими такими атрибутами не обладал. Это все ему впоследствии приписано. «Велесова книга», по моему убеждению, может, я ошибаюсь, я полагаю, что все миф, никакой такой книги нет. Если она где-нибудь когда-нибудь обнаружится, я уверен, что это будет подделка. Поскольку все серьезные исследователи: и Мусин-Пушкин, и Веселовский, – те, кто писали в девятнадцатом веке без политического заказа, кто реально служил науке, слава Богу, были не меньшие патриоты России, чем нынешние, а Мусин-Пушкин вообще был из графьев, никто из них ни про какую такую книгу не упоминал, хотя «Слово о полку Игореве» откопали. То есть дело свое они знали. А уж Веселовский, величайший знаток русского фольклора, – не снилось нынешним, сколько он знал, – не упоминал ни про какую такую книгу, где были бы неслыханные сокровища языческой мудрости. Значит, это выдумка. Я думаю, у язычества, по определению, никакой такой особой мудрости быть не могло. Просто все, что мы знаем о язычестве, противоречит такой идее. Сама идея, что в книге могут быть секреты – эта идея, безусловно, книжной религии, каковой является христианство. Но «Велесова книга» такой же миф, как «Голубиная книга» – книга небес, в которой все записано. Но это понятно, все ассоциации в простом

народе, ассоциации на Библию. Но еще раз говорю, просто предвосхищая вопросы, которых много в таких случаях задают про «Велесову книгу», «Велесовы письмена», про мудрость и секреты мироздания, которые там описаны, – мне кажется, все это легенда. Этого нет. Как Атлантида, как Эльдорадо. Есть такие легенды в жизни человечества, и они добавляют к нашей жизни интереса и пикантности, но к действительности имеют очень мало отношения.

Это женское божество. Их не так много было в славянском пантеоне.

Не помните ли вы как ее зовут, красавицу? Подобрали мы вам специально картинку на рушнике, потому что это народное, настоящее. Это не придумано, как предыдущий рисунок Велеса – ясно, человек создавал на компьютерной анимации. А это вот простые крестьянки реально

вышивали на рушниках. Никто не помнит, как звали красавицу? О, девушки, вспоминайте. Она обидится.

Студентка: Богиня плодородия?

Мацих: Ну, раз женское, то уж понятно плодородия. Но странно, если бы она была богиней производительности труда. Но как ее звали? На букву Мэ. Мокошь. Не слышали о такой? Мокошь. Мокошь – мякиш, мягкий, Мокошь – мокрый, то есть все женские качества. Конечно, богиня плодородия. В самом таком простом первоизданном виде, никаких красот, поэтических легенд, вроде рождения из морской пены, или там поэтических увлечений. Ничего не было. Это просто богиня, которая охраняла семейный очаг, которой молились девушки, чтобы успешно выйти замуж, а замужние женщины, чтобы муж не бросил, не разлюбил, и, конечно, чтоб дети рождались и чтоб были здоровы. Вот такая Мокошь – покровительница женского начала и носительница женского начала в славянском пантеоне.

Студентка: Плечи у нее действительно мужские, фигура мужская. Пловчиха.

Мацих: Ну, во-первых, вот это грудь, чтобы вас не огорчать, разнесена. И она цветет, заметьте. Не у всех современных девушек грудь так расцветает. Ну как фигура? Это ж стилизация.

Студентка: А в красивом виде не существует?

Мацих: В красивом? Нет.

То, что я видел, изображения реальные деревянные, они такие грубые. И именно в том духе, как изображают не самые развитые племена своих богинь плодородия: огромная грудь, гипертрофированные гениталии, фигуры особой нет, но этому придается такое значение не из порнографических видов, а чтоб показать, чему богиня служит. Но наших пониманий красоты, то есть изящества,

гармонии, нет. То есть ничего похожего на греков славяне не создали. Не знаю, умели ли, но то, что они резали из дерева и камня – очень грубо и достаточно примитивно, скажем так. Поэтому если вы ищете каких-то образцов, то – нет, их нет. Они умели рисовать, но не сложилась техника рисовальная, живописная, которая бы действительно их имя обессмертила. Скажем, кельты умели рисовать гораздо лучше. Вот как кельтские росписи, которые в кельтской части Франции, на севере, в провинции Бретань, и в Англии сохранились, в Ирландии. В Ирландии много, в Шотландии. Там, где реально жили кельты, пока их не вытеснили германские племена. Или германские, или франки. Это, конечно, гораздо больше напоминает искусство, ближе к нашим образцам европейского искусства, чем славянские поделки. Но что сделаешь! Зато «мы делаем ракеты и перекрыли Енисей»¹⁷.

Вот собственно беглый обзор славянского и общеевропейского пантеона. Он вот такой. Есть ли у вас вопросы?

Студентка: А вот сейчас существуют какие-то старообрядцы. Они тоже, получается, язычники?

Мацих: Нет, мой дорогой, они совершенно не язычники. Они христиане православные, которые отделились от православной церкви после так называемого никонианского раскола.

Был такой патриарх Никон при царе Алексее Михайловиче, в шестнадцатом веке, и он ввел церковную реформу. Эта реформа расколола Русь надвое. Какая-то

¹⁷ Юрий Визбор. «Рассказ технолога Петухова». 1964 г.

часть осталась в старой вере, они стали называть себя «старообрядцы», или «древлеправославные», или «староверы». А их стали называть «раскольники», – они очень не любят, когда их так называют. В расколе виноваты обе стороны всегда. Любой, какой бы раскол ни был. В разводе две стороны и в расколе. И вот эти две стороны разошлись. Старообрядцы подверглись ужасным гонениям со стороны государства, рассыпались по всей огромной стране, уходили в леса, в какие-то дальние края и там они, собственно, и жили. Они так разрозненно и живут до сих пор. Никто не знает, сколько их точно. В Сибири их полно, на Дальнем Востоке, на Аляске. Я, кстати, был на Аляске у старообрядцев, – очень интересно. Ну, как-нибудь зайдет об этом разговор, расскажу. Но они совершенно не язычники, наоборот, они православные гораздо круче многих нынешних. У них есть церковь, – как-нибудь соберемся, поедем – на Рогожской заставе, Троицкий собор. Ну, так это чистая Византия. Он построен в конце восемнадцатого века, но впечатление такое, что ему лет восемьсот. Из всех московских церквей эта производит сильнейшее впечатление на всех, кто бы в нее ни заходил. И на вас произведет.

Студент: В чем заключалась эта реформа?

Мацих: Реформа – в чисто внешних вещах, но, как оно часто бывает, народ уцепился за внешнее и сделал неадекватные выводы. Например, как креститься: двумя или тремя пальцами? Как ходить во время крестного хода вокруг церкви: по солнцу или против солнца? Как писать слово «Иисус»: с одним И или с двумя? Как ни странно вам покажется, из-за этого. Просто в этих мелочах народ усматривал верность старой вере. Для большинства людей ведь все эти тонкости абсолютно неведомы. Наш поп

сказал, значит, те – исчадия сатаны и дети дьявола. Все. Царь сказал: раскольников сжечь, потому что они все сволочи и предатели, – все, сжигаем. И никто ж не разбирался особо. На самом деле истинные причины ничтожны. А сунниты и шииты в исламе? Это ж на тысячу лет почти расколело ислам. А ведь первоначальная разница была ничтожна абсолютно. А какие последствия? Католики и православные до сих пор не помирятся, и уж тысячу лет почти раскол. А ведь начиналась ссора из-за абсолютной ерунды. Народ считал, что через десять-двадцать лет [исчезнет], а оно тысячу лет длится. Так оно и бывает. В религиозных делах никогда нельзя пренебрегать мелочами. Кто думает, что что-то есть мелочь, тот очень ошибается и очень потом может об этом пожалеть. Потому так медленно, медленно все религии меняются. Любое изменение, казалось бы, самое пустяшное, техническое, там одну букву добавить, – ну хрен ли в этом?– вызывает дикие последствия, жуткие, которые длятся потом десятки, сотни лет. Вот такие дела.

Студентка: В народе всегда перемены критично принимаются.

Мацих: Ну, смотря какие. Некоторые перемены воспринимают с большим пониманием люди. Но не в религиозной сфере. В политике, в экономике – почему, люди готовы к переменам. Ну, не сразу, не вдруг, но например, революции: если бы люди не хотели никаких перемен, ни одной революции бы не было, - значит, хотят. Но религиозная сфера – самая консервативная, и здесь вводить изменения надо крайне, крайне осторожно. И те люди, которые управляют религией, они очень это все учитывают. И без необходимости на изменения, на реформы не идут. Совсем без реформ нельзя, потому что

жизнь меняется, и мы должны реагировать на вызовы времени.

Студентка: Ну, можно меняться во всех остальных сферах. И мы делаем это. Пусть хоть что-то останется неизменным. Люди потому и боятся, наверное, что меняется смысл ее.

Мацих: Одни боятся этого и рассуждают как вы. Таких очень немало во всех религиях, но есть и такие, которые говорят: «Ну, если мы совсем не будем меняться, что ж будет? Все же это придумано тысячи лет назад, а сейчас все вон как изменилось. Что же мы будем делать вид, что никаких изменений не произошло? Когда-то там говорили об ослах, быках, конь был самым быстрым средством передвижения, сейчас, слава Богу, все изменилось радикально. Что же мы будем делать вид, что ничего не произошло? И будем применять понятия двухтысячелетней давности к нынешней жизни?» И таких немало, которые говорят, что нет, наоборот, надо изменения вносить. И между ними очень сложно найти компромисс. Это все тяжелые вещи. Тут однозначных решений, простых найти не удастся. Простые решения искали раньше, например, молодые цари или короли: «А мы сейчас все реформируем». Ну и судьба их была очень плачевна, как правило. Люди, которые так, с кондачка, затевают большие религиозные реформы, хорошо не кончают. Как и сам Никон, кстати. Но совсем без реформ тоже нельзя.

Студентка: Скажите, пожалуйста, лечение природными средствами имело языческие корни? Или это просто потому, что лекарств не было?

Мацих: Лекарств, естественно, не было. Тогда ж это все было по рецепту.

Студентка: Это было эволюционно, единение с природой?

Мацих: Никто из людей не хотел болеть. Вам нравится болеть?

Студентка: Нет.

Мацих: Ну, вот видите как. Они тоже были такие же. Никому болеть не нравилось. Все хотели как-то обезопасить себя от болезни, облегчить страдания.

Студентка: Но с религией это было как-то связано?

Мацих: Это было связано еще с шаманизмом и с шаманской практикой. Первые целители были шаманы, колдуны, знахари – те, которые знали, ведуны. Которые знали травы, знали, из каких частей животного можно что сделать, какие минералы добавлять. И лечебная практика сложилась именно у них сначала и была связана с целительством как со священным актом.

Греки десакрализовали многие части жизни, например, ремесло врача. До этого лечил исключительно только один колдун, шаман и прочее, а у греков врач стал абсолютно светским персонажем. Причем тут всякие боги? Европейская медицина это совершенно усвоила. У китайцев до сих пор есть убеждение, что по-настоящему вылечить может только человек, который знает древние даосские тексты, который по-настоящему этим владеет. Вот из него будет настоящий иглоукалыватель и мастер-гербалист, который знает, какие растения собирать и в какой пропорции смешивать рог носорога и корень какой-нибудь. А европейская традиция говорит: неважно, медицине любого научим, и здесь никакая религия ни при чем. А это уже европейский взгляд, из греческого выросший

Роберт Бернс.
Макферсон перед казнью (перевод С. Маршака)

Так весело, отчаянно
Шел к виселице он.
В последний час
В последний пляс
Пустился Макферсон.

- Привет вам, тюрьмы короля,
Где жизнь влачат рабы!
Меня сегодня ждет петля
И гладкие столбы.

В полях войны среди мечей
Встречал я смерть не раз,
Но не дрожал я перед ней -
Не дрогну и сейчас!

Разбейте сталь моих оков,
Верните мой доспех.
Пусть выйдет десять смельчаков,
Я одолею всех.

Я жизнь свою провел в бою,
Умру не от меча.
Изменник предал жизнь мою
Веревке палача.

И перед смертью об одном
Душа моя грустит,
Что за меня в краю родном
Никто не отомстит.

Прости, мой край! Весь мир, прощай!
Меня поймали в сеть.
Но жалок тот, кто смерти ждет,
Не смея умереть!

Так весело,
Отчаянно
Шел к виселице он.
В последний час
В последний пляс
Пустился Макферсон.

